

Маленькая лавка находилась прямо рядом с жилыми домами, так что мимо постоянно проходили соседи — все они жили здесь уже не один десяток лет и теперь с любопытством поглядывали в сторону происходящего. Лян Бин бросил швабру, бросил мимолетный взгляд на Чу И, развернулся и вместе со своими приспешниками зашагал по улице. Чу И медленно поднялся и подобрал с земли швабру. Заступничество? Ему никогда не требовалось, чтобы кто-то за него заступался. И то, что делал Янь Хан, не было заступничеством — это была дружба. Но раз уж всё зашло так далеко, Чу И наступил ногой на щетку швабры, схватился за черенок и с силой рванул на себя — раздался сухой треск, и палка переломилась. Что ж, пусть будет так. Он, сжимая в руке деревянный обломок, двинулся вслед за Лян Бином:

— Лян Бин.

Тот обернулся. Чу И размахнулся и ударил его по лицу. Когда палка врезалась в голову Лян Бина, отдачу в ладони почувствовал даже сам Чу И. По округе разнеслись испуганные возгласы. Лян Бин, казалось, был ошарашен и застыл на месте; лишь через несколько секунд из-под его волос потекла кровь.

— Ах ты... сука... — растерянно и потрясенно выговорил он.

Один из приспешников, опомнившись, бросился на него, но Чу И уже замахнулся снова и встретил его ответным ударом, пришедшимся прямо по плечу. Палка с треском разлетелась в щепки. Обломок отлетел к ногам хозяина лавки, и тот, словно ужаленный, подскочил с места:

— Чу И!

Когда Чу И собирался нанести третий удар, босс заслонил его собой:

— Чу И! Ты что творишь?!

— Ой, мамочки! — взвизгнула стоявшая рядом женщина.

— Больше, — Чу И ткнул пальцем в Лян Бина, — не попадайся мне на глаза. Обходи стороной.

Лян Бин, по-видимому, так и не оправился от шока после удара; он тупо смотрел на него и не шевелился.

— Уходи уже, — рявкнул босс на Лян Бина. — Еще драться хочешь?!

Только тогда Лян Бин поднял руку, коснулся лица, посмотрел на свою ладонь, испачканную кровью, и словно в трансе пробормотал:

— Уходим.

Босс отобрал у Чу И остатки палки и посмотрел на него с сомнением:

— Ты с ума сошел?

— Нет, — Чу И едва заметно улыбнулся.

— Тогда зачем полез в драку? — босс продолжал сверлить его взглядом.

— А, — отозвался Чу И, вошел в маленькую лавку, вытащил из кармана деньги и положил на

прилавок. — Сигарет.

Босс выдал ему пачку, не переставая изумленно смотреть на него. Чу И спрятал сигареты в карман, развернулся и вышел. Он не пошел в сторону дома, а свернул на маленькую улочку. После того как он нанес эти два удара, Лян Бин выглядел окончательно раздавленным, а сам Чу И почувствовал, будто его окатили ледяной водой — в голове прояснилось настолько, что он чувствовал, как у него самого глаза светятся от возбуждения. Он больше не мог оставаться прежним Чу И. Ну и ладно, не мог — так не мог.

Янь Хан ушел, ничего ему не сказав. Но Янь Хан был самым ярким пятном в его серой жизни за все эти годы. Он восхищался дерзостью и свободой Янь Хана, его тянуло к его мягкости, и даже зная, что Янь Хан порой сам оказывается до обидного хрупок и тонет во тьме, Чу И все равно хотел быть таким, как он. Как Янь Хан.

Чу И бесцельно побродил по улицам, а в конце концов зашел в канцелярский магазин. Купил самую дешевую тетрадь в клетку и вернулся домой.

— Покупал пачку сигарет больше часа! — Бабушка сидела на диване. — Ты их там сам выращивал, что ли?

Чу И промолчал, положил сигареты рядом с ней и сел за свой маленький письменный стол. Открыл тетрадь. Он решил что-то записывать — не то чтобы личный дневник, просто хотелось что-то зафиксировать.

— Завтра постричься.

— Пойти на бокс.

— Янь Хан.

Янь Хан, Янь Хан, Янь Хан.

Чу И встал ни свет ни заря, когда остальные еще спали, взял свой кошелек и вышел. Кошельком служил обычный мешочек, в котором лежала какая-то мелочь, что ему удалось накопить — после того как мама брала деньги без спроса, одноклассники их отбирали, да и на обычные расходы уходило немало, накоплений оставалось совсем немного. В подъезде он вытряхнул содержимое: вышло меньше тридцати юаней. Для него, почти не знавшего карманных расходов, это было немало, но хватит ли на парикмахерскую — он не знал.

За все свои годы он ни разу не был в салоне красоты. В детстве папа стриг его под машинку «под ноль», позже, когда пошел в школу, отголоскам стрижки «под ноль» пришел конец, но по сути папа просто обкромсал его ножницами по кругу. В третьем классе отец устроился водителем в компанию и стал слишком занят, чтобы следить за его головой. Видимо, Бабушка и Мама привыкли к длинным волосам, а Дедушка был лысым, поэтому о такой процедуре, как поход к парикмахеру, никто не задумывался. С тех пор Чу И стриг себя сам перед зеркалом — никакой моды, просто чтобы волосы не лезли в глаза и не кололи шею. В конце концов, смотреть на него было всё равно некому.

«А я смотрю каждый день», — сказал как-то Янь Хан.

Чу И вздохнул, жалея, что не сходил в парикмахерскую раньше — Янь Хан так и не увидел его с нормальной стрижкой. Впрочем, не страшно: он планировал сделать несколько селфи, чтобы потом, если представится случай, показать их Янь Хану. Хотя... представится ли еще такой

случай?

Чу И шагал по улице и размышлял, какую бы стрижку выбрать. Янь Хан говорил: не делай слишком коротко, потом придется постоянно подравнивать. Значит, пусть будет чуть подлиннее. На самом деле у него в голове не было ни малейшего представления о прическах, будь то длинные или короткие. Однако, постояв немного у двух парикмахерских, он понял, что по сравнению с ценами его представления о прическах — сушая ерунда.

68 юаней за стрижку!

И та, что за 48, считалась еще дешевой!

Грабеж средь бела дня!

Они что, ножницами из чистого золота орудуют? Или после стрижки он обретет бессмертие?

Хотя сначала ему казалось, что в парикмахерских на оживленных улицах и в торговых центрах уровень выше, в итоге он нашел самую обычную парикмахерскую в глухой улочке. Сразу видно, что здесь нет стилистов, вернувшихся из Гонконга, и мастеров, которых зовут Тони или Кевин. 25 юаней. На фоне тех 48 и 68 это выглядело невероятно привлекательно. Ладно, пойдет.

— С мытьем головы или просто стрижка? — спросила девушка.

— ...Просто стрижка, — ответил Чу И.

— Тогда сначала помоем, — сказала она.

Чу И почувствовал себя в некотором замешательстве: тогда какой смысл был в предыдущем вопросе? Девушка была с «холодным» характером: во время мытья молчала, просто наяривала ему по голове и задала всего три вопроса:

— Сила нажатия нормальная?

Чу И не расслышал. И промолчал.

— Вода не горячая?

Чу И снова не расслышал.

— Еще потереть?

Чу И решил, что, видимо, перенервничал от своего первого в жизни похода в салон и у него от стресса пропал слух. Когда девушка передала его мастеру, он наконец сообразил, о чем она спрашивала, но было уже поздно.

Мастера звали А-Чао. Он тоже молчал, взял ножницы, схватил прядь волос и — чик! Чу И показалось, что от страха у него глаза на лоб полезли, и он поспешил сказать:

— Не надо, слишком коротко.

— Угу, — А-Чао бросил взгляд в зеркало и хладнокровно продолжил работать ножницами.

Чу И махнул рукой: объясняться было слишком утомительно, а хуже, чем он стриг себя сам,

точно не будет. Интересно... если бы Янь Хан был рядом, он бы подсказал, какая стрижка ему пойдет? Наверняка помог бы выбрать что-то отличное. У Янь Хана и самому прическа была что надо, и одежда смотрелась стильно, хотя это были в основном простые спортивные вещи. Янь Хан еще и парфюмом пользовался — большой был любитель прихорашиваться. Чу И представил это и невольно улыбнулся, но тут же почувствовал, как улыбка сползает с лица. На душе стало тяжело.

Янь Хан ведь уехал. И все его мечты о том, как они вместе проведут каникулы, рассыпались в прах. Раньше он думал, что даже если Янь Хан и уедет, то только после окончания лета. Чу И усталился на ножницы в руках мастера, погрузившись в свои мысли.

— Готово, — А-Чао закончил стричь, филировать и сушить, после чего снял пеньюар, плотно охватывающий шею Чу И.

Он поспешно вскочил и посмотрел на себя в зеркало. Очень... даже симпатично. Не слишком коротко, на лбу осталась челка, куда лучше того «обгрызанного» варианта, что он делал себе сам. Вид свежий, бодрый, и это не тот дурацкий «горшок», с которым ходили девять из десяти парней из ПТУ — смотреть на такое каждый раз было больно. Он запомнил имя А-Чао, решив, что в следующий раз придет именно к нему.

Выйдя из парикмахерской, он почувствовал, как ветерок обдувает лицо. Чу И ощутил небывалую легкость: последние дни казалось, что он несет на плечах такую тяжесть, что даже голову поднять трудно.

<http://bllate.org/book/18095/1747658>